

Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 9–20

North Caucasus Legal Vestnik. 2022;(4):9–20

Проблемы теории и истории права и государства

Научная статья

УДК 34.01

doi: 10.22394/2074-7306-2022-1-4-9-20

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ ПРАВА Г.В.Ф. ГЕГЕЛЯ: СОВРЕМЕННЫЙ ОПЫТ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РЕЦЕПЦИИ

**Николай Алексеевич Трапш¹, Юрий Александрович Фролов²,
Ольга Ивановна Шафранова³**

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Комитет по управлению архивным делом Ростовской области, Ростов-на-Дону, Россия

³Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия

Автор, ответственный за переписку: Николай Алексеевич Трапш, tirpizn@rambler.ru

Аннотация. Представленная статья посвящена системному анализу современных подходов, связанных с качественной рецепцией правовых идей Г.Ф.В. Гегеля. Особое внимание уделяется перманентному взаимодействию государственных институтов и гражданского общества, интегрируемым фундаментальным явлением народного духа. Авторы рассматривают конструктивные трансформации гегелевского идеального государства, позиционируемого как естественное воплощение индивидуальной и коллективной свободы. Системную оценку получает оригинальная интерпретация правового субъекта, сформированная выдающимся немецким мыслителем. Гегелевская концепция конструируемого права оценивается с практических позиций, определяющих органичный синтез профессионального нормотворчества и массового правосознания. В авторский ракурс включается и правовая аксиология знаменитого философа, включающая системные представления о дифференцированном взаимодействии моральных и нормативных механизмов общественного регулирования. Методологическая рефлексия опирается на качественный анализ классических бинарных оппозиций и логических триад, характерных для гегелевской философии и адаптированных к всесторонней оценке публичного и частного права. Гносеологический потенциал философско-правовой части интеллектуального наследия Гегеля характеризуется как оптимальный фундамент современной исследовательской практики, обращенной к всестороннему изучению российского общества и государственных институтов.

Ключевые слова: право, государство, мораль, институт, триада, рефлексия, ценность, свобода, дух, рецепция

Для цитирования: Трапш Н. А., Фролов Ю. А., Шафранова О. И. Актуальные вопросы философии права Г.В.Ф. Гегеля: современный опыт исследовательской рецепции // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 4. С. 9–20. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2022-1-4-9-20>

Problems of the Theory and History of Law and State

Original article

TOPICAL QUESTIONS OF THE PHILOSOPHY OF LAW G.V.F. HEGEL: MODERN EXPERIENCE IN RESEARCH RECEPTION

Nikolay A. Trapsh¹, Yuri A. Frolov², Olga I. Shafranova³

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

²Committee for the Management of archives of the Rostov region, Rostov-on-Don, Russia

³North Caucasian Federal University, Stavropol, Russia

Corresponding author: Nikolai A. Trapsh, tirpizn@rambler.ru

Abstract. This article is devoted to a systematic analysis of modern approaches related to the qualitative reception of the legal ideas of G.F.V. Hegel. Particular attention is paid to the permanent interaction of state institutions and civil society, integrated by the fundamental phenomenon of the national spirit. The authors consider the constructive transformations of the Hegelian ideal state, positioned as a natural embodiment of individual and collective freedom. The original interpretation of the legal subject, formed by an outstanding German thinker, receives a systematic assessment. The Hegelian concept of constructed law is evaluated from practical positions that determine the organic synthesis of professional rule-making and mass legal consciousness. The author's perspective also includes the legal axiology of the famous philosopher, which includes systemic ideas about the differentiated interaction of moral and normative mechanisms of social regulation. Methodological reflection is based on a qualitative analysis of classical binary oppositions and logical triads, characteristic of Hegelian philosophy and adapted to a comprehensive assessment of public and private law. The epistemological potential of the philosophical and legal part of Hegel's intellectual heritage is characterized as the optimal foundation for modern research practice, directed to a comprehensive study of Russian society and state institutions.

Keywords: law, state, morality, institution, triad, reflection, value, freedom, spirit, reception

For citation: Trapsh N. A., Frolov Yu. A., Shafranova O. I. Topical questions of the philosophy of law G.V.F. Hegel: modern experience in research reception. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(4):9–20. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-4-9-20>

Концептуальные построения Гегеля, связанные с философским осмыслением правовых феноменов, стали знаковым явлением для европейской научной мысли XIX столетия и существенной частью интеллектуального фундамента развивающейся юриспруденции. Отдельные идеи немецкого ученого, характеризующие актуальные проблемы публичного права, формировались на протяжении длительного периода и отразились в реальном содержании как фундаментальных исследований («Наука логики», Феноменология духа), так и отдельных работ («Народная религия и христианство», «Йенская реальная философия», «Отчеты сословного собрания Королевства Вюртемберг»), посвященных частным вопросам [1–5]. Теоретические размышления Гегеля в области философии права нашли консолидированное выражение в одноименном труде, опубликованном в 1820 году и являющемся доработанной версией лекционного курса, предназначенного для студенческих сообществ Гейдельбергского и Берлинского университетов [6].

За прошедший двухсотлетний период отечественные и зарубежные исследователи неоднократно к обращались к концептуальному анализу правовых идей немецкого ученого, характеризующих важнейшие институциональные понятия (закон, конституция, общество, государство, правоспособность). Среди дореволюционных работ, оказавших значительное влияние на последующую исследовательскую практику, безусловно, необходимо выделить специальный очерк К. Маркса, ставший по известным причинам принципиальным ориентиром для советских философов и правоведов [7,8]. Интегрированная оценка гегелевских правовых идей была представлена в обобщающем труде немецкого философа и публициста Р. Гайма, связавшего интеллектуальные размышления выдающегося соотечественника с синхронной социокультурной и политической ситуацией в Германии [9].

Оригинальный вариант сравнительного исследования концептуальных построений Гегеля и И. Канта, посвященных правовой проблематике, был предложен известным отечественным исследователем П.И. Новгородцевым, указывавшим на взаимодополняющий характер теоретических размышлений выдающихся философов [10]. В XX столетии гегелевская философия права была подробно проанализирована в фундаментальных трудах Э. Вейля, Ж. д'Онта, К. Левита, А. Макинтайра, Г. Маркузе, А.В. Гулыги, В.С. Нерсесянца, М.Ф. Овсянниковой, Л. Хейде, ориентировавшихся не только на доминирующие идеологические тренды, но и на естественную актуализацию эпистемологического содержания фундаментальных идей немецкого мыслителя [11–20]. В первом приближении может сложиться устойчивое мнение о том, что основные проблемы, связанные с философско-правовым наследием Гегеля, уже подверглись последовательному и качественному изучению, многообразные результаты которого исключают благоприятные перспективы для современной

исследовательской практики. Однако естественный процесс структурного и содержательного развития современного права, фундаментальные трансформации информационного общества и глобальной политики актуализируют научное внимание к интеллектуальным разработкам немецкого ученого, раскрывающимся в новых оригинальных ракурсах. В контексте указанного обстоятельства значительный интерес представляет специальный анализ интеллектуальной рецепции гегелевских правовых идей в социокультурных условиях XXI столетия, осуществляемый отечественными исследователями.

В постсоветский период одним из важнейших направлений теоретического правоведческого дискурса стала принципиальная проблема, связанная с последовательным реформированием юридических механизмов, определяющих эффективное взаимодействие современного государства и гражданского общества. В 1990-х гг. кантианское представление о правовом строительстве как органичном результате практической реализации индивидуальной свободы на определенный период вытеснило доминировавшую гегелевскую концепцию, согласно которой государственные институты являются идеальной конструкцией, воплощающей народный дух. По Гегелю сложившееся государство генерирует свободный менталитет и формирует важнейшие нормы публичного и частного права, консолидирующие базовые человеческие ценности. Гегелевская парадигма, определяющая государственные институты как своеобразные цитадели естественной и неискаженной свободы, постепенно вернула утраченные позиции в интеллектуальном дискурсе XXI столетия, детерминированном качественными изменениями социально-политического и культурного развития российского общества. Отдельную роль играет и концептуальное представление Гегеля о правовом государстве, основанном на формальном равенстве гражданских лиц перед действующим законом, олицетворяющим исходный свободный дух. Но внешняя форма не всегда отражает реальное содержание и следует помнить, что государственные институты, открывающие одинаковый доступ к общим благам для всего гражданского населения, одновременно сурово наказывают сознательных и стихийных нарушителей установленных правил. Вследствие указанного обстоятельства гегелевская формула, согласно которой «система права есть царство осуществленной свободы», подразумевает тотальный контроль самостоятельного государства за ограниченно суверенной личностью, основанный на монополии собственности властных структур на генерируемые материальные и духовные ценности.

Сложная природа органического государства, конструируемого в теоретических построениях Гегеля, является важным объектом современного российского интеллектуального дискурса. В частности, И.В. Круглова и С.Е. Ячин обращают особое внимание на системное противоречие в содержательной трактовке законодательного генезиса, содержащееся в философских размышлениях Гегеля и Канта [21, 22]. В кантианской версии конкретный закон формируется как естественный результат социального и интеллектуального консенсуса, достигнутого отдельными индивидами и общественными группами. Подобный подход позволяет максимально учесть объективные потребности индивидуальной свободы, выступающей как высшая ценность. В гегелевском правовом государстве предусматривается другая модель, определяющая генетические особенности властного законотворчества. Государственные институты осуществляют правовое ограничение индивидуальной и коллективной деятельности, но предоставляют в рамках своеобразного возмещения больший объем истинной свободы, которой они монополично обладают в рамках системного доминирования абсолютного духа.

Отечественные исследователи отмечают также то существенное обстоятельство, что сформулированная в «Науке логики» знаменитая гегелевская триада (тезис – антитезис – синтез), равно как и производная онтологическая модель (единичное – особенное – всеобщее), не работают в правовом измерении, трансформируясь в бинарную оппозицию (индивид – государство). Как представляется, сложившаяся ситуация определяется имманентными особенностями социальной структуры европейского общества, являвшегося основным объектом включенного наблюдения для выдающегося немецкого философа. Недостающим элементом потенциальной правовой триады могло стать гражданское общество, которое

в начале XIX столетия проходило начальный этап длительного генезиса, отправной точкой которого стала Великая французская революция.

Современные российские исследователи актуализируют и принципиальный вопрос, связанный с базовыми параметрами возможной трансформации идеального гегелевского государства, детерминированной масштабными социально-экономическими, политическими и культурными процессами. По справедливому замечанию А.В. Моисеева, Гегель не определяет объективные пределы качественного совершенствования государственных институтов, неразрывно связанных с абсолютным духом, не имеющим видимых границ позитивного развития [23]. Действительно, следуя внутренней логике гегелевских рассуждений, необходимо признать, что истинная свобода, заключенная внутри правового государства, формирует безграничное пространство социокультурного развития, управляемого разумными законами. Предложенная немецким мыслителем эволюционная модель государственного строительства учитывает и динамичную трансформацию глобальной экономики, и стремительную дифференциацию общественных групп, и неизбежную деконструкцию устойчивых стереотипов индивидуального и коллективного менталитета. Принципиальная устойчивость органического государства определяется доминирующей ролью абсолютных ценностей, которые не меняются в прямой зависимости от хозяйственной конъюнктуры или модных культурных трендов [24, 25].

Отечественные ученые отмечают и интеграционный потенциал философско-правовой концепции Гегеля, объединяющий принципиальные идеи предшествующих мыслителей в рамках оригинальной авторской рецепции [26–31]. Немецкий философ осознанно использует концептуальные построения Платона, Аристотеля, Бодена, Руссо, Канта, интерполируя выделенные фрагменты на реальную картину современной европейской жизни, доступную рефлексивным практикам. В контексте указанного обстоятельства значительный интерес представляет сравнительный анализ платоновской и гегелевской государственных моделей, естественным фундаментом которых является имманентная идея справедливости. Античный мыслитель и один из крупнейших философов европейского Нового времени представляют рассматриваемый системообразующий феномен как бинарную конструкцию, ключевыми элементами которой являются моральный и правовые императивы. Платоновская справедливость определяется как идеальное соответствие конкретной вещи целевому назначению, что в полной мере соответствует гегелевским представлениям о правовом государстве.

Государственная модель Гегеля предполагает исключительно точное и последовательное распределение истинной свободы и общих благ, являющееся общественным идеалом и органично соответствующее аксиологическим детерминантам абсолютного духа. Гегелевскому государству не нужны платоновские философы-правители, которых успешно замещают абсолютные ценности, детерминирующие практическую деятельность властных структур. Следует также отметить, что Гегель успешно апеллирует не только к античному опыту, но и к близким результатам философско-правовой рефлексии раннего Нового времени. В частности, особого внимания заслуживают гегелевские рассуждения о государственном суверенитете, который является одним из важнейших понятий современного права.

Будучи убежденным сторонником монархического правления, Гегель разделяет исходные установки Ж. Бодена, являющегося признанным автором рассматриваемой дефиниции. Выдающийся французский мыслитель XVI столетия, опираясь на принципиальные идеи естественного права, считал государственный суверенитет тождественным бессрочной власти абсолютного монарха. Гегель учитывал изменившуюся правовую и политическую ситуацию в Европе и акцентировал внимание на внешних факторах, непосредственно определяющих нормативное функционирование конкретного государства. В гегельянской трактовке государственный суверенитет является высшей общественной ценностью и определяется не только неограниченной властью над определенной территорией и местным населением, но и объективной независимостью от международных инстанций.

Как представляется, Гегель внимательно изучал рефлексивные практики предшествующих эпох и модернизировал приобретенное знание, успешно адаптируя эмпирический материал к реальной обстановке.

Гегелевское понимание субъекта права также привлекает заинтересованное внимание отечественных ученых, рассматривающих указанное понятие как важнейший элемент традиционной системы нормативных категорий [32]. Следует отметить то существенное обстоятельство, что избранная дефиниция сохраняет формальные признаки на протяжении длительной эволюции философско-правовой концепции Гегеля, но изменяет содержательные параметры в рамках рефлексивной практики немецкого ученого. В ранних гегелевских работах субъектами права являются конкретные личности, создающие нормативное пространство в процессе дифференцированного социального взаимодействия. Общественная повседневность выступает в качестве естественной среды правового конструирования, определяемого актуальными задачами хозяйственной, политической и культурной активности. Однако, в поздних гегелевских работах конкретная личность, оставаясь главным субъектом права, переносит системное конструирование важнейших норм социального регулирования в абстрактную сферу духовного поиска, естественным ориентиром для которого являются абсолютные ценности. Аксиологический детерминизм, предписанный божественным провидением, становится своеобразным фундаментом для последовательного формирования абстрактной правовой реальности, в которой человеческая личность обретает дуалистическую природу. В результате содержательный дуализм распространяется и на субъект права, который одновременно приобретает единичный и всеобщий характер, интегрируя имманентные признаки отдельного гражданина и государственного института. Следует также заметить, что в комплексной характеристике правовой субъектности в полной мере проявляется диалектическое единство абстрактных и конкретных форм, характерное для всей интеллектуальной системы Гегеля.

Значительный интерес у современных исследователей вызывает и гегелевская характеристика важнейшего государственного института – суда, являющегося традиционным элементом властной вертикали любого политического режима [33–35]. Рассматриваемый институциональный объект имеет двойственную социально-правовую природу, определяемую как имманентными особенностями гегелевского государства, так и естественным содержанием практической судебной деятельности. С одной стороны, абстрактный суд является органичным воплощением абсолютных ценностей, соответствующих реальной природе идеального государственного института. Судебная практика демонстрирует реальное торжество истинной свободы и экзистенциальную победу абсолютного добра, которые могут быть отнесены к неоспоримым аксиологическим императивам. В другом ракурсе конкретный суд отражает общественное отношение к трансцендентным ценностям, определяя устойчивую латентную связь правового государства и общественных структур.

По справедливому замечанию Д.В. Шкрума, в гегелевской философско-правовой концепции судебные органы являются естественной частью гражданского общества, что совершенно не противоречит доминирующей идеологической парадигме Нового времени [35]. Согласно известным концепциям Дж. Локка и Ш. Монтескье любой суд является органичным сегментом государственной власти, находящимся на фиксированной правовой дистанции от социальных институтов. Однако в рамках гегелевских интеллектуальных конструкций правовое государство и гражданское общество находятся в неразрывном единстве, определяемом объективной общностью аксиологических ориентиров. Следовательно, судебные органы можно рассматривать как органичное продолжение рассматриваемых правовых феноменов, реализующее общие целевые задачи и удовлетворяющее единые потребности. Гегель указывает, что общественные структуры являются своеобразным «внешним государством», тогда как властные институты формируют духовную повестку социальной деятельности.

Применительно к комплексной оценке правоохранительных органов следует выделить также и то существенное обстоятельство, что немецкий мыслитель относит полицейские органы к обширной сфере внутренней ответственности гражданского общества.

Двойственный характер имеет и гегелевская рефлексия, связанная с практическим судопроизводством, имеющим обязательный публичный характер. Гегель полагал, что любое рассмотрение частного эмпирического факта должно соотноситься с общей правовой концепцией, восходящей к абсолютным ценностям. Подобный подход определяет своеобразную гармонизацию профессионального нормотворчества и массового правосознания, являющихся важнейшими полями синхронного диалога общественных структур и государственных институтов. Следует заметить, что с комплексной оценкой судебной практики неразрывно связаны гегелевские представления о справедливом наказании, также имеющие дуалистическую природу. С одной стороны, немецкий мыслитель отчетливо разделяет персонифицированную месть, являющуюся несомненным реликтом традиционного общества, и конкретное решение легитимного суда, олицетворяющее консолидированную волю правового государства и заинтересованных социальных институтов. Любое наказание, ставшее естественным результатом судебного процесса, рассматривается Гегелем как адекватное воплощение абсолютной справедливости, соответствующее аксиологическим нормативам и демонстрирующим общественное единство. Возмещающий конкретный ущерб, нанесенный гражданскому обществу, легитимный суд в полной мере восстанавливает индивидуальную и групповую свободу, сокращенную наказанным преступником. Согласно гегелевской концепции судебное решение должно быть соразмерным совершенному правонарушению, что отличает законное наказание от нерегламентированной мести. Таким образом, легитимный суд должен справедливо карать выявленных преступников, восстанавливая гармоничные отношения властных структур и общественных институтов.

Отечественные ученые указывают и на особую роль Гегеля в последовательном формировании отдельных правовых отраслей, активно дифференцировавшихся в первой половине XIX столетия [36]. В частности, гегелевские представления о договорных отношениях персонифицированных индивидов, формирующих в интегрированном измерении государственное нормативное пространство, в полной мере соответствуют содержательной специфике современного гражданского права. Гегель указывал и на особое значение правового института частной собственности, системное развитие которого определяется масштабной системой индивидуальных договоров конкретных владельцев.

Необходимо выделить также и то существенное обстоятельство, что в гегелевской трактовке имущественные перемещения являлись как отчетливым выражением личной свободы заинтересованных контрагентов, так и естественным проявлением высшей юридической силы государственных законов, призванных регулировать повседневное взаимодействие хозяйствующих субъектов. Немецкий мыслитель обратил специальное внимание и на техническое оформление гражданско-правовых вопросов, указывая на принципиальную необходимость детальной регламентации каждого элемента договорных отношений.

Следует отметить, что гегелевская триада успешно распространяется и на достаточно отдаленную сферу имущественных отношений, где легитимный контракт является своеобразным антитезисом частной собственности, фиксирующим отчуждения соответствующего права у конкретной личности. Синтетическую роль в данном случае играет публичный акт свободного волеизъявления, позволяющий законно отказаться от имущественных активов.

Отдельное внимание современное исследовательское сообщество обращает на интеллектуальную рецепцию гегелевских воззрений, связанных со сложными вопросами качественного соотношения правовой и моральной сферы [37–40]. Первой подобной проблемой следует признать системное взаимодействие отдельных личностей и государственных институтов, рассматриваемое Гегелем в историческом контексте. Гегелевское государство реализует в практическом измерении абстрактную идею истинной свободы, оставляя конкретным индивидам ограниченное поле формального конструирования институциональных

форм повседневной жизнедеятельности. Нравственный закон, регулирующий государственную политику, оказывает опосредованное воздействие на персонифицированную личность, управляемую с помощью как нормативных средств, так и аксиологического инструментария. Сознательное подчинение действующим законам Гегель рассматривает как «вторую природу» человеческой личности, главным содержанием которой является внутренняя нравственность. Немецкий мыслитель сознательно дистанцируется от различных вариаций известной теории общественного договора (Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.Ж. Руссо), отстаивающих самостоятельную роль личностного фактора в процессе государственного строительства.

Гегель полагал, что органичное государство не может ограничивать истинную свободу персонифицированной личности, устраняя лишь порочный принцип единичной воли, имманентно чуждый нравственному закону. Интеллектуальная рефлексия немецкого мыслителя, обращенная к сложной проблематике общественного диалога, последовательно приводит к оригинальной характеристике двух базовых правовых категорий, актуальной и для современных социумов. В частности, Гегель рассматривает конституцию как нормативное явление, тождественное государственному устройству.

Немецкий опыт XIX столетия показывает, что последовательное конструирование единого государства синхронно формирует консолидированное правовое пространство, в котором естественным образом воплощаются абсолютный дух и нравственный закон. В контексте подобного подхода органично выглядит гегелевское отношение к избирательному праву, которое представляется одним из многочисленных проявлений ложной свободы. Демократическое голосование с арифметической фиксацией народного волеизъявления устраняет фундаментальные ценностные ориентиры, подменяемые искусственной интеграцией индивидуальных пожеланий, не соответствующих божественному предопределению и аксиологическим доминантам.

Следует заметить, что Гегель критически относится и к так называемой «патриархальной теории» государственного строительства, полагая, что семейные ценности не обеспечивают реальное объединение гражданского общества и властных структур, так как включают ограниченный набор нормативных регуляторов повседневной жизнедеятельности. В целом, немецкий мыслитель рассматривает комплексное взаимодействие суверенных личностей и идеального государства посредством сложной системы бинарных оппозиций, системное взаимодействие которых определяет реальный характер институционального строительства. С одной стороны, государственные институты выступают как конечная цель, а конкретные индивиды как объективное средство практического генезиса политической власти. Персонифицированная личность цинично рассматривается как расходный материал, призванный сформировать качественный фундамент для повсеместного воплощения абсолютных ценностей.

В другом ракурсе можно говорить о субъектном взаимодействии материальных и идеальных факторов, неразрывно соединенных в полумистическом образе органичного государства. Конкретные индивиды определяют формальные особенности государственных институтов, которые в обратном порядке наделяют гражданское общество подлинной свободой. Наконец, принципиальные отношения суверенной личности и правового государства являются естественным пространством постоянного взаимодействия объективного и субъективного духа, единственно верным вариантом которого является последовательное достижение полного тождества законных прав и установленных обязанностей в индивидуальном и коллективном сознании.

Следует признать, что выстраивая описанную систему общественного взаимодействия, Гегель фактически конструирует фундаментальную модель государственной бюрократии, для которой отдельные граждане превращаются в сознательные винтики глобального механизма, скрепленного едиными ценностными ориентациями и тотальным правовым полем.

Особое место в гегелевской философско-правовой концепции занимает принципиальный вопрос, связанный с системным взаимоотношением юридических и нравственных категорий. Гегель не рассматривает индивидуальную нравственность, отдавая безусловный приоритет коллективному восприятию доминирующих ценностей. Нравственные ориентиры совместно с правовыми нормами формируют поведенческие стереотипы, имеющие субъективный характер, но подчиняющиеся интегрированной формуле абсолютного добра. В контексте указанного обстоятельства гражданское общество позиционируется как естественное развитие императивных положений групповой нравственности, подготавливающих адекватное восприятие институциональных принципов идеальной государственности. В интегральном измерении практическая общность правовой и нравственной сфер общественной жизни детерминируется консолидирующей субстанцией в лице истинной свободы, являющейся качественным фундаментом социальной интерпретации рассматриваемых категорий.

Следует заметить, что Гегель предусматривает и потенциальную возможность системного конфликта индивидуальной нравственности и государственного права. Объективной причиной конфликтного взаимодействия может стать «нечистая совесть», формирующаяся во внутренней структуре личностного самосознания. Конкретный индивид, пренебрегающий общественным благом и нарушающий установленные законы, разрушает предустановленную гармонию правовой и нравственной сфер. Однако рассмотренный частный случай может и должен быть урегулирован в режиме диалогового взаимодействия гражданского общества и правового государства, способных изменить личные целевые установки посредством целенаправленного ограничения делегируемой общей свободы.

Комплексная рецепция гегелевской философско-правовой концепции не получит логического завершения без специального рассмотрения еще одной бинарной оппозиции, определяемой системным противопоставлением «право – неправое» [39]. По справедливому замечанию В.А. Сокольниковой, указанные категории отражают качественное противоречие между всеобщей и особенной волей, формируемой в рамках диалектического понимания истинной свободы. Гегелевское неправое формируется в контексте неконтролируемого освобождения индивидуального мышления, которое детерминирует персонифицированную личность на неконтролируемое отступление от принятых канонов общественного поведения, установленных государственным законом и абсолютными ценностями. Немецкий мыслитель предлагает оригинальную классификацию социальных действий, объединяемых рассматриваемой дефиницией (непреднамеренное неправое, обман, принуждение и преступление). Каждая из указанных форм девиантного поведения неразрывно связана с очевидным нарушением действующего законодательства и нравственных императивов, которое предусматривает различные формы социальных санкций (от морального порицания до реального наказания). Как представляется, гегелевское неправое может рассматриваться как естественный элемент повседневной жизнедеятельности гражданского общества и правового государства, подлежащий целенаправленному государственному регулированию.

Проведенный анализ демонстрирует очевидную важность осознанной рецепции философско-правовой части интеллектуального наследия Гегеля, имеющего значительный потенциал для комплексного решения современных юридических проблем. Гегелевское учение о гражданском обществе и правовом государстве сохраняет значительную актуальность в рамках последовательного изучения социально-политических процессов в современной России, детерминируемых длительной исторической дискуссией о возможных путях дальнейшего развития отечественных властных структур и законодательных практик. Следует отметить также и то существенное обстоятельство, что многие правовые понятия и категории, охарактеризованные в различных трудах Гегеля, используются современными исследователями, ориентирующимися на масштабную парадигму эволюционного функционирования общественных и государственных институтов, предложенную выдающимся немецким мыслителем.

Список источников

1. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет в 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1. 630 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. Пер. с нем. Г.Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 495 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. 451 с.
4. Сальников В.П., Исмагилов И.Р., Масленников Д.В. Развитие теоретико-методологических оснований политико-правовой науки в «Йенской реальной философии» Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. 2016. № 12. С. 181-188.
5. Сальников В.П., Масленников Д.В., Прокофьев К.Г., Исмагилов И.Р. Философско-правовое содержание ранних работ Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 1. С. 164-177.
6. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем., ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
7. Большаков Н.Н. Размышления по поводу прочтения К. Марксом «Философии права» Гегеля. // Вестник Омского университета, 2005. № 2. С. 44-47.
8. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1955. С. 219-368.
9. Гайм Р. Гегель и его время. Лекции о первоначальном возникновении, развитии, сущности и достоинстве философии Гегеля. Пер. с нем. П.Л. Соляникова. СПб.: Наука, 2006. 391 с.
10. Новгородцев П.И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, 1901.
11. Вейль Э. Гегель и государство. Пять докладов. Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Русский мир, Владимир Даль, 2009. 284 с.
12. Гулыга А.В. Гегель. М.: Молодая гвардия, 1970. 272 с.
13. Д'Онт Ж. Гегель. Биография. Пер. с фр. А.Г. Погоняло. СПб.: Владимирская даль, 2012. 252 с.
14. Лёвит К. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. СПб.: Фонд «Университет», Владимир Даль, 2002. 672 с.
15. Макинтайр А. После добродетели. Исследования по генеалогии морали. М.: Академический Проект, 2000. 384 с.
16. Маркузе Г. Разум и революция: Гегель и становление социальной теории. СПб.: Владимир Даль, 2000. 541 с.
17. Нерсисянц В.С. Философия права Гегеля. М.: Юристъ, 1998. 352 с.
18. Нерсисянц В.С. Гегель. М.: Юридическая литература, 1979. 112 с.
19. Овсянников М.Ф. Философия Гегеля. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 308 с.
20. Хейде Л. Осуществление свободы. Введение в гегелевскую философию права. М.: Гнозис, 1995. 256 с.
21. Круглова И.В. Кантианские и гегельянские традиции установления конституционного порядка в опыте российской государственности // Теология. Философия. Право. 2019. № 4. С. 50-62.
22. Ячин С.Е., Круглова И.В. Человек и государство перед альтернативой кантианской или гегельянской идеи права // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13. № 4. С. 311-323.
23. Моисеев А.В. «Философия права» Гегеля: самосознание и критика исторического времени. // Философия права. 2015. № 6. С. 12-19.
24. Захарцев С.И., Сальников В.П. Перечитывая Гегеля. Размышления к 200-летию «Философии права» // Теория государства и права. 2021. № 2. С. 67-88.
25. Сальников В.П., Сальников М.В. Правовая культура и политико-правовые традиции в контексте абсолютных ценностей // Юридическая мысль. 2014. № 4. С. 70-86.
26. Бурлуцкий А.Н., Небрятенко Г.Г. «Философия права» Гегеля в контексте философской рефлексии о праве и абсолютном духе: историко-философский анализ. // Философия права. 2019. № 1. С. 135-142.
27. Захарцев С.И., Масленников Д.В., Сальников В.П. Логос права: Парменид - Гегель - Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики права. М.: Юрлитинформ, 2019. 376 с.

28. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Право и справедливость: исторические традиции и современные модели. (Историко-правовой анализ теоретических исследований актуальных вопросов отношения идеи права и идеи справедливости в XX - XXI вв.). СПб.: Фонд «Университет», 2017. 324 с.

29. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Философия И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля: рефлексия начал справедливости и права // Правовое поле современной экономики. 2016. № 5. С. 155-164.

30. Клименко О.А. Идея суверенитета в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Мир политики и социологии. 2016. № 7. С. 191-196.

31. Клименко О.А., Мирзоев А.К. Развитие понятия суверенитета от Марсилия Падуанского до Гегеля. // Юридическая наука. 2016. № 3. С. 22-29.

32. Сальников В.П., Масленников Д.В., Максимов А.А. Гегель о двуединой, абстрактно-конкретной, природе личности как субъекта права: естественно-правовые и теологические основания генезиса // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3. С. 44-58.

33. Абубакаров А.А., Исмагилов И.Р., Лежнева О.Ю. Понятие суда как элемента гражданского общества и государства в «Философии права» Г.В.Ф. Гегеля // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 4. С. 121 – 126.

34. Лежнева О.Ю., Сергеева А.Ю. Суд, наказание, справедливость: особенности гегелевской трактовки // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4. С. 84-89.

35. Шкрум Д.В. Институт суда в философии права Гегеля: аксиологический аспект теории государства и гражданского общества // Вестник русской христианской гуманитарной академии. 2021. № 4. С. 149-155.

36. Негодаева Е.Г. Роль представителей классической немецкой философии (И. Кант, И.Г. Фихте, Г. Гегель) в создании особой концептуальной модели гражданского права // Философия права. 2019. № 4. С. 26-29.

37. Гафаров Т.Х. Правовая культура в философской системе Гегеля // Вестник ОГУ. 2008. № 7. С. 32-37.

38. Масленников Д.В., Ревнова М.Б. Отношение религии и государства в философии права Г.В.Ф. Гегеля // Юридическая мысль. 2018. № 1. С. 20-25.

39. Сокольников В.А. Понятие неправа в философии Гегеля // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 71-74.

40. Каратаева Л.Н. Трактовка субстанциального единства права и нравственности в «Философии права» Гегеля // Вестник МГТУ. 2000. Т. 3. № 3. С. 371-376.

References

1. Hegel G.W.F. *Works of different years in 2 vols.* Moscow: Thought; 1972. Vol. 1. 630 p. (In Russ.)
2. Hegel G.W.F. *Phenomenology of the Spirit.* Transl. by G.G. Shpet. Moscow: Nauka; 2000. 495 p. (In Russ.)
3. Hegel G.W.F. *Encyclopedia of Philosophical Sciences.* Vol. 1. Science of logic. Moscow: Thought; 1974. 451 p. (In Russ.)
4. Salnikov V.P., Ismagilov I.R., Maslennikov D.V. Development of the theoretical and methodological foundations of political and legal science in the "Jena Real Philosophy" G.V.F. Hegel. *World of Politics and Sociology.* 2016;(12):181-188. (In Russ.)
5. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Prokofiev K.G., Ismagilov I.R. The philosophical and legal content of the early works of G.V.F. Hegel. *Legal science: history and modernity.* 2017;(1):164-177. (In Russ.)
6. Hegel G.W.F. *Philosophy of law.* Transl. with German, ed. and comp. D.A. Kerimov and V.S. Nersesyants. Moscow; 1990. 524 p. (In Russ.)
7. Bolshakov N.N. Reflections on the reading of Hegel's "Philosophy of Law" by K. Marx. *Bulletin of the Omsk University.* 2005;(2):44-47. (In Russ.)
8. Marx K. To the criticism of the Hegelian philosophy of law. In: *Marx K., Engels F. Works.* Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat; 1955:219-368. (In Russ.)
9. Heim R. *Hegel and his time. Lectures on the original origin, development, essence and dignity of Hegel's philosophy.* Transl. by P.L. Solyanikov. St. Petersburg: Nauka; 2006. 391 p. (In Russ.)
10. Novgorodtsev P.I. *Kant and Hegel in their doctrines of law and the state.* Moscow: University printing house on Strastnoy Boulevard; 1901. (In Russ.)

11. Weil E. *Hegel and the state. Five reports*. Transl. by V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Russian world, Vladimir Dal; 2009. 284 p. (In Russ.)
12. Gulyga A.V. *Hegel*. Moscow: Young Guard; 1970. 272 p. (In Russ.)
13. D'Ont J. *Hegel. Biography*. Transl. by A.G. Chase. St. Petersburg: Vladimirskaia Dal; 2012. 252 p. (In Russ.)
14. Levit K. *From Hegel to Nietzsche. A revolutionary turning point in the thinking of the 19th century*. St. Petersburg: Fund "University", Vladimir Dal; 2002. 672 p. (In Russ.)
15. McIntyre A. *After virtue. Studies in the genealogy of morality*. Moscow: Academic Project; 2000. 384 p. (In Russ.)
16. Marcuse G. *Reason and revolution: Hegel and the formation of social theory*. St. Petersburg: Vladimir Dal; 2000. 541 p. (In Russ.)
17. Nersesyants B.C. *Hegel's philosophy of law*. Moscow: Yurist; 1998. 352 p. (In Russ.)
18. Nersesyants V.S. *Hegel*. Moscow: Legal Literature; 1979. 112 p. (In Russ.)
19. Ovsyannikov M.F. *Philosophy of Hegel*. M.: Publishing house of socio-economic literature; 1959. 308 p. (In Russ.)
20. Heide L. *Implementation of freedom. Introduction to the Hegelian philosophy of law*. Moscow: Gnosis; 1995. 256 p. (In Russ.)
21. Kruglova I.V. Kantian and Hegelian traditions of establishing constitutional order in the experience of Russian statehood. *Theology. Philosophy. Right*. 2019;(4):50-62. (In Russ.)
22. Yachin S.E., Kruglova I.V. Man and the state before an alternative to the Kantian or Hegelian idea of law. *Contours of global transformations: politics, economics, law*. 2020;13(4):311-323. (In Russ.)
23. Moiseev A.V. Hegel's "Philosophy of Law": Self-Consciousness and Criticism of Historical Time. *Philosophy of law*. 2015;(6):12-19. (In Russ.)
24. Zakhartsev S.I., Salnikov V.P. Reading Hegel. Reflections on the 200th anniversary of the "Philosophy of Law". *Theory of State and Law*. 2021;(2):67-88. (In Russ.)
25. Salnikov V.P., Salnikov M.V. Legal culture and political and legal traditions in the context of absolute values. *Legal Thought*. 2014;(4):70-86. (In Russ.)
26. Burlutsky A.N., Nebratenko G.G. Hegel's "Philosophy of Law" in the Context of Philosophical Reflection on Law and Absolute Spirit: Historical and Philosophical Analysis. *Philosophy of law*. 2019;(1):135-142. (In Russ.)
27. Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Salnikov V.P. *Logos of law: Parmenides - Hegel - Dostoevsky. On the question of the speculative-logical foundations of the metaphysics of law*. Moscow: Yurlitinform; 2019. 376 p. (In Russ.)
28. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. *Law and justice: historical traditions and modern models. (Historical and legal analysis of theoretical studies of topical issues of the relationship between the idea of law and the idea of justice in the 20th - 21st centuries)*. St. Petersburg: University Foundation, 2017. 324 p. (In Russ.)
29. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. The philosophy of I. Kant and G.W.F. Hegel: reflexion of the principles of justice and law. *Legal field of modern economics*. 2016;(5):155-164. (In Russ.)
30. Klimenko O.A. The idea of sovereignty in the philosophy of law G.V.F. Hegel. *World of politics and sociology*. 2016;(7):191-196. (In Russ.)
31. Klimenko O.A., Mirzoev A.K. The development of the concept of sovereignty from Marsilius of Padua to Hegel. *Legal science*. 2016;(3):22-29. (In Russ.)
32. Salnikov V.P., Maslennikov D.V., Maksimov A.A. Hegel on the dual, abstract-concrete, nature of the individual as a subject of law: natural-legal and theological foundations of genesis. *Legal state: theory and practice*. 2021;(3):44-58. (In Russ.)
33. Abubakarov A.A., Ismagilov I.R., Lezhneva O.Yu. The concept of the court as an element of civil society and the state in the "Philosophy of Law" G.V.F. Hegel. *Legal state: theory and practice*. 2017;(4):121-126. (In Russ.)
34. Lezhneva O.Yu., Sergeeva A.Yu. Court, punishment, justice: features of the Hegelian interpretation. *Legal state: theory and practice*. 2018;(4):84-89. (In Russ.)
35. Shkrum D.V. The Institute of Court in Hegel's Philosophy of Law: Axiological Aspect of the Theory of State and Civil Society. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2021;(4):149-155. (In Russ.)
36. Negodaeva E.G. The role of representatives of classical German philosophy (I. Kant, J. G. Fichte, G. Hegel) in creating a special conceptual model of civil law. *Philosophy of law*. 2019;(4):26-29. (In Russ.)

37. Gafarov T.Kh. Legal culture in the philosophical system of Hegel. *Bulletin of OSU*. 2008;(7):32-37. (In Russ.)

38. Maslennikov D.V., Revnova M.B. The relation of religion and the state in the philosophy of law G.V.F. Hegel. *Legal thought*. 2018;(1):20-25. (In Russ.)

39. Sokolnikova V.A. The concept of wrong in Hegel's philosophy. *Gaps in Russian legislation*. 2013;(6):71-74. (In Russ.)

40. Karataeva L.N. Interpretation of the substantial unity of law and morality in Hegel's "Philosophy of Law". *Bulletin of MSTU*. 2000;3(3):371-376. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. А. Трапш – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС; руководитель Центра исследований Большого Кавказа Института социологии и регионоведения ЮФУ.

Ю. А. Фролов – доктор юридических наук, профессор, председатель комитета по управлению архивным делом Ростовской области.

О. И. Шафранова – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой региональной истории и музееведения СКФУ.

Information about the authors

N. A. Trapsh – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the South Russian Institute of Management – branch of RANEPА; Head of the Center for Greater Caucasus Studies of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University.

Yu. A. Frolov – Doctor of Law, Professor, Chairman of the Committee for the Management of Archival Affairs of the Rostov region.

O. I. Shafranova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Regional History and Museum Studies of the North Caucasus Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 23.11.2022; одобрена после рецензирования 05.12.2022; принята к публикации 06.12.2022.

The article was submitted 23.11.2022; approved after reviewing 05.12.2022; accepted for publication 06.12.2022.